Кофейня на берегу океана

Автор:
Вячеслав Прах

Кофейня на берегу океана

Вячеслав Прах

Долгожданный роман Вячеслава Праха возвращает нас к продолжению пронзительной истории любви. Возможно ли жить мгновением? Есть ли смысл бежать на край света, оставив все былое, если по-прежнему возвращаешься к одному человеку? Роза и Париж пытаются найти ответы на эти вопросы.

История о принятии важного решения, работе над собой и поиске счастья. Но в жизнь, полную любви и взаимопонимания, вторгаются чужаки. На маяке происходят странные события, в которых оказываются замешаны не только люди… Прошлое Парижа вновь настигает его.

Вячеслав Прах

Кофейня на берегу океана

Посвящается Женщине, подарившей мне жизнь.

Наталье!

* * *

– Как тебя зовут?

– Мое имя Париж.

Роза смотрела на незнакомого человека. Еще несколько дней назад она бы его отвергла, оторвала от груди, не пустила бы в сердце. Не закрыла бы за ним дверь, потому как у вошедшего не было ни ее ключей, ни имени, ни притягательного дьявольского пламени в глазах, в котором она бы, не задумываясь, сгорела; выбросившись вон из себя прежней, сменив грубую кожу на нежную, подобную коже альбиноса, чувственную и чувствующую каждое касание, словно струна скрипки, словно руки мастера – это жизнь, это доля секунды, это музыка. Словно ее жизнь – это краткое мгновение между началом и концом мелодии.

Розу можно было покорить только талантом, только истинным мастерством. Любовник для нее связан не со словом «любовь», а со словом «секунда», со словом «мгновение», со словами «нестерпимая боль», когда секунда проходит. Многие ищут вечность в прекрасных, очаровавших глазах, будто вечность – это понятие рая. Розе казалось, что она единственная на этой земле, осознавшая такую вещь – что над раем можно только пролететь, застыв на мгновение, паря в воздухе, можно только вдохнуть его, насладиться, но не жадно глотать, но не слепо падать на «землю спасения». Святая земля пустынна, не истоптанна, а иначе ее пачкают ногами. Роза знала, что если у ворот Эдемского сада тебя встречает Господь Бог, то это не значит, что за воротами не может быть ада.

– Каково твое настоящее имя?

Она заглядывала с опасением за ворота.

– А каково твое настоящее имя, Роза?

Не истоптанный сад смотрел в ответ на нее.

– Мое настоящее имя – Роза.

Глава первая

Мы привыкаем к любому месту. К самому прекрасному, в котором нам бы хотелось остаться навсегда и которое нам бы хотелось оставить в себе надолго, словно ты его неотъемлемая часть, будто оно – часть твоей кожи; к самому худшему – а иначе мы бы все умерли от тоски, мы погибли бы от отчаянной борьбы себя и себя прежнего. Место помнит нас больше, чем мы себя. Как тогда быть, когда любое место на этой земле со временем становится нами? Как быть, когда корни прорастают даже там, где им не стоило бы прорастать, ведь росток иссохнет в пустыне. Как быть, когда ты находишь свой уголок, свой приют для души, но в нем не оказывается для тебя места?

Жана можно было охарактеризовать всего двумя словами – интеллигентный француз, а если тремя, то еще скромный. А по-другому я бы не смог объяснить, почему за все время своего пребывания в «городе восходящего солнца» он еще ни разу не восходил к пьедесталу, на котором восседала самая обыкновенная женщина. Таких, как она, в основном, любят возвышать исключительно нетронутые, не потоптанные каблуками и бытом, сохранившиеся в своем первоначальном виде, мужчины. Нет, она, конечно, была хороша, но вряд ли самодостаточный мужчина побоялся бы к ней подойти. Самодостаточность – это в некой степени опыт. Чем больше в нас опыта, тем меньше мы скованы и стыдливы.

Женщина в белом льняном платье в пол сидела в кофейне и пила бодрящий эспрессо. Кто знает, откуда она приехала, какой статус имеет в обществе и какое у нее семейное положение. По ее таинственному и безмятежному виду можно было сказать, что она приехала в этот город на отдых и смакует каждую минуту, запивая свой кофе короткой неторопливой жизнью без суеты. Какого цвета у нее глаза? Наверное, льняные с оттенком изумруда, а иначе в этом платье она не чувствовала бы себя так уверенно и достойно. Конечно, еще и фигура, но, все же больше глаза. Именно от них не мог отвести свой взгляд Жан. Опрятный обеспеченный молодой человек, отдыхающий в этой кофейне, в этом городе, подобном Французской Ривьере, но имеющем явное отличие в том, что вместо роскоши и лоска здесь подают обычный кофе с запахом некого таинства, как бывает в католических церквях; здешний кофе пахнет истинным чувством предвкушения. Это место – прекрасная, уютная кофейня на берегу океана, куда многие так стремятся попасть, но, однажды приехав, не понимают, что с ним дальше делать. Здесь проводят монологи с собой, это такое место опьяняющей тишины, где со вкусом крови христовой подают обычную воду. Здесь пьянит не напиток, а место. Жан, как и понравившаяся ему женщина с длинной косой,

понимал, что не хочет домой. Что это и есть дом, раз ему здесь хорошо.

– Может быть, вы наконец подойдете?

Таинственная особа, сравнимая для Жана с божеством, адресовала ему эти слова через несколько пустых столиков.

– Excusez-moi[1 - Прошу прощения. (фр.)]… – от волнения он даже запнулся. – Это вы мне?

Женщина улыбнулась, но ничего не ответила.

Он неуверенно встал и направился к ее столику, за это время он дважды чуть не провалился под землю и один раз даже думал выбежать прочь из кофейни.

– Простить мой язык… Можно я присяду?

– Присаживайтесь, – улыбнулась горделиво, с достоинством.

Он сел напротив нее и за эти несколько секунд он успел рассмотреть ее маленькое родимое пятно на шее, большие, красивые глаза и пальцы, не носившие колец. Она сделала изящный жест рукой и поправила волосы. Оголившаяся шея придавала ей утонченности.

– Мне кажется… Я вас встречал.

Этот нелепый молодой человек пробормотал первое, что пришло ему в голову.

– Не думаю, – быстро ответила она.

В ее голосе звучала не надменность, а поддержка. Она смягчилась, увидев его робость, и улыбнулась теплой улыбкой.

– Вы хотели у меня что-то спросить? – приоткрыв немного рот, с изумлением посмотрела на его руки, которые он не знал куда деть от волнения.

– Извините за мою возможную грубость… Но я не увидел кольца на вашем безымянном пальце. Как у нас говорят: «Если женщина не носит кольцо, соединившее ее руку с сердцем, значит ее сердце открыто». Свободно, если так можно сказать.

– Все мужчины привыкли смотреть на пальцы, но не в глаза. В глазах можно прочесть больше, – сказала она снисходительно и мягко. – Что вы видите сейчас в моих глазах, скажите?

Она пристально посмотрела на Жана.

– Красоту, обаяние, радость. Я испытываю удовольствие, глядя в ваши глаза.

Действительно, Жан ничего больше не смог увидеть, кроме красоты, в нем сейчас присутствовал парфюм под названием «влюбленность». Чем больше он на нее смотрел, тем больше влюблялся, чем больше она говорила, тем больше он хотел ее слушать. Он готов был вдыхать ее всю без остатка. Секс – это не значит вдыхать. Вдыхать – это свойство, оно жизненно необходимо.

Он смотрел на нее как на чистый лист, женщина без прошлого и будущего пьянит как вино высшего сорта, словно каждая грона из виноградника была собрана для него, чтобы оставить то неповторимое терпкое послевкусие на губах. Она была прекрасна, как лавандовые поля Люберона, деревни, в которой он вырос, которую он вспоминал только тогда, когда ему было по-настоящему хорошо. Ему даже показалось на секунду, что она пахнет лавандой.

– Да… – сказала негромко она и от всего сердца улыбнулась, эта улыбка была настоящей.

От его слов у нее внутри все как будто согрелось, обволокло необъятным теплом, таким забытым и прекрасным, как обыкновенные цветы, которые ей давно не дарили. «Как давно мне перестали дарить цветы? – задумалась в этот миг она. – Уже несколько лет. Уже несколько лет впустую».

Жан увидел, что она загрустила, и хотел было что-то сказать, но девушка заметила это и взяла себя в руки.

– Что вы говорите? – ее взгляд выражал пристальное внимание.

– Я говорю, что вы пахнете, как лаванда…

Он сам не понял, как пришли ему в голову эти слова, но они были к месту.

– А как пахнет лаванда? – спросила она.

– Для меня лаванда пахнет счастьем. Это детская ассоциация, мне было восемь лет, я вырос у лавандового поля. И утром, и вечером, и днем – всюду пахло лавандой, а со временем я перестал ощущать ее запах. Знаете, так бывает, когда привыкаешь. Ты дышишь, но не чувствуешь аромат, и кажется, что его больше нет. И вот спустя пять лет, родители забирают меня в город. А там другая жизнь. Там не было больше детства. И вот, когда я время от времени возвращался обратно в деревню, то вновь начинал чувствовать запах лавандовых полей. Он был так естественен. Такой до невозможности родной аромат, казалось, что нереально перестать его чувствовать. Проходило время, и лаванда снова переставала пахнуть.

Они оба посмотрели в окно на пустынную береговую линию. На желтый песок, истоптанный и омытый водой. Вид из окна был по-настоящему прекрасен.

Девушка думала, почему она отправилась в отпуск одна. Так странно, ей показалось, что в этот самый момент остановилось время и можно побыть вне его. А точнее вне себя, ведь мы пленники времени. Зеленоглазой мечтательнице в льняном платье пришло в голову посмотреть на себя со стороны, заглянуть туда, куда бы не хотелось заглядывать при свете дня. «Я его давно не люблю, как и он меня. К чему это время?»

Мужчина увидел ее напряженное лицо, обремененное тягостными мыслями, и деликатно обратился к ней:

– О чем вы думаете?

Она повернулась к французу и спросила в ответ:

– Почему для вас перестала пахнуть лаванда?

Он улыбнулся и посмотрел сначала на нее, а затем в окно.

– Bien… – сказал на своем родном языке. – Но это же просто. Я каждый день находился возле нее, дышал ее запахом. Мое обоняние настолько к нему привыкло, что со временем перестало его ощущать. Вы разве никогда не замечали, выбирая парфюм – сначала на тебе он раскрывается, его становится много, а затем ты перестаешь его ощущать. Но его ощущают другие. Как бы со стороны.

– Значит лавандовые поля все еще пахнут?

– Oui bien sur. А как иначе? Они же не теряют свой запах, если всего лишь один человек на земле перестал его чувствовать.

Она смотрела ему в глаза, а затем на руки. Они больше не дрожали.

– Расскажите мне о своем детстве, пожалуйста. Мне нравится вас слушать.

Он подвинул стул немного ближе и уселся поудобнее, между ними все еще было расстояние, но уже меньшее, он чувствовал грань, которую не следовало переступать.

– Я часто вспоминаю о детстве, тогда на душе становится хорошо. У меня было замечательное детство, как и у многих. Я отчетливо помню, как мы с сестрой (она младше меня на два года, и до сих пор живет с родителями) босыми пятками топтали виноград в бочке. Мы танцевали и бабушка говорила, что в танце рождается вино, а детские пятки его делают вкуснее. Я очень любил бабушку и все мои воспоминания связаны с ней, хотя она уже как восемь лет не живет у лавандовых полей. Только в моих воспоминаниях. – Он неестественно улыбнулся. – Она час- то мне снится, интересно, снюсь ли ей я? – он задумался, а затем посмотрел на свою собеседницу. – Вы напомнили мне о детстве, спасибо. Слишком много эмоций для моего сердца.

Синий океан смотрел в их глаза, синий океан уносил их вдаль.

– Можно вас вечером пригласить на ужин? – он по-прежнему дышал ее чарующим парфюмом.

Она задумалась о том, не совершает ли ошибку, подпуская этого молодого человека к себе ближе. Ведь она как бы замужем, ведь она как бы занята, ведь она как бы счастлива. Она как огня боялась предать, но еще сильнее она боялась предательства. Как поступить, когда тебе ни плохо, ни хорошо, когда ты занята, но одна, когда не свободна, но одинока.

Женщина с лавандовым парфюмом согласилась пойти на преступление по своей воле.

– Можно.

Он угостил ее своим вином, с тех самых виноградников Люберона. Он хотел, чтобы она попробовала вкус его детства.

– Дети моют ноги перед тем, как давить виноград?

С опасением посмотрела на содержимое бокала.

Жан улыбнулся, но ничего не ответил.

– За наше знакомство.

Прозвучал звон хрусталя, а затем пауза длинною в несколько неспешных глотков.

Они ходили вместе к океану и сидели на теплом песке, разговаривая о самых обыкновенных вещах. Например, если бы они были рыбами, то стремились бы к суше, а если птицами, то ходить по земле, и что крылья можно было бы тогда обменять на что угодно.

Над ними пролетел самолет, и они разговаривали о том, что многие боятся летать из-за фильмов об авиакатастрофах. Жан был убежден, что самолет намного безопаснее автомобиля. Майя боялась летать, она переставала дышать, зажмурив глаза и закрыв уши руками, когда отрывается от земли самолет. Да, эту девушку звали Майя, она представилась ему после того, как он отвел ее в свое детство.

– Нет, ты ошибаешься, – доказывала она. – Он не может быть безопаснее автомобиля.

– Есть статистика, – виновато вздохнул Жан. – На нее-то я и полагаюсь. Страх высоты – вот что сковывает твое тело. Ты боишься высоты, и транспорт здесь ни при чем. Если бы автомобили летали, то ты бы и на них боялась летать. Разве не так?

Она кивнула и хотела было дотронуться до его плеча, но передумала и убрала руку.

– А как перестать бояться высоты?

Жан смотрел на корабль, медленно удаляющийся вдаль. А затем посмотрел в ее глаза, изумрудные, льняные.

– Представь себе, что ты падаешь. Oui, вот сейчас же представь. Закрой глаза! Твое кресло в самолете оторвалось от пола и ты падаешь вниз, а вокруг тебя ватные тучи. Страшно?

– Очень, – переменилась в лице она.

– Так вот, у тебя есть меньше минуты, чтобы насладиться полетом, сидя в пристегнутом кресле, пронося всю жизнь перед своими глазами. У тебя есть секунд тридцать на то, чтобы открыть глаза и сделать хотя бы один вдох, а иначе ты умрешь от столкновения с землей, даже не сделав вдоха. Сделай вдох! Сейчас его сделай.

Она жадно вдохнула, открыв глаза.

– Bien… Попробуй не думать о смерти. Она неизбежна, прими ее как факт и смирись с этим фактом. Ты умрешь, ты не вечна, смирись! Ты умрешь через минуту, которую тебе следовало бы прожить, которая была бы длиннее тех десятков лет, прожитых до этой минуты. Ты не должна умирать с мокрыми штанами, ты не обязана жить перед смертью в страхе. Смерть – это всего лишь мгновение, как и жизнь. Так почему ты должна прожить это мгновение, скованная страхом?

Она перестала моргать.

– Отстегни ремень, кресло тяжелее тебя и упадет быстрее, с законами физики не поспоришь. – Жан улыбнулся. – Ты отстегнулась, чтобы продлить свою жизнь на долю секунды. Ты теперь просто летишь. Расправь в стороны руки, открой глаза как можно шире и дыши! Дыши ровно, неспешно, спех тебе ни к чему. Дыши так, как дышат при жизни – спокойно и ровно. Ты летишь, наслаждаясь, сердце не вылетит из груди, такого в природе не бывает. Тучи развеиваются и теперь видно землю. Представь себя птицей, не думай о том, что у тебя десять секунд. Твоя жизнь – это мгновение, даже десять секунд можно прожить, наслаждаясь. А как ты думаешь? Почему ты спешишь умереть? Ты умрешь. И прошу тебя, смирись с этим. Ты умрешь – это не больно и займет одну сотую секунды. Знаешь сколько это? Ты никогда не узнаешь. И никто не узнает, так как нет более безболезненной смерти. Разве только во сне, хотя я подозреваю, что во сне тебе будет казаться, что ты задыхаешься – такое, наверное, у каждого хоть раз в страшном сне бывало. – Жан задумался. – Я умру, и я это принял. Поэтому в последние секунды своей жизни я не почувствую запах мочи, а мое тело не будет скованным в воздухе. В свое последнее мгновение я напишу указательным пальцем в воздухе свое имя, а может быть, и твое, я вдохну всю жизнь и не буду торопиться ее выдохнуть. Если бы птица боялась умереть от столкновения о землю, то она бы всю свою жизнь провела в страхе, так и не взлетев ни разу.

– Спасибо, – тихо прошептала Майя, и последующие минуты они провели в тишине.

* * *

Женщина, сотканная из лавандовых полей, стала другом для Жана. Друг – это такой человек, с которым можно поговорить, с которым можно помолчать, которого можно обнять, но незачем трогать. Жан хотел ее трогать, как говорят – чувства находятся на кончиках пальцев. И, возможно, Майя тоже бы хотела касаться в ответ, но она не могла. Точнее, не хотела себе этого позволить. Ведь позволить себе влюбиться – это значило бы предать. Она не способна была предать даже того, кто так давно не дарил ей цветы.

Жан притронулся к ее плечу, словно случайно, Майя на мгновенье обрадовалась, но затем дернула плечом.

– Извини, как у нас принято говорить, pardon, когда заденешь человека случайно.

Она ничего не ответила ему, но он все понял без слов и перестал это делать.

Это было самое прекрасное время, Майя хотела его остановить, она хотела просто раствориться в Жане. Он проводил с ней каждый новый день, а вечерами провожал до номера. И за все это время она ни разу не пригласила его к себе на чай. Чай – он сладкий, но это предательство.

– Bonsoir… До завтра…

Она на секунду замедлила прощание. А затем секунда прошла.

– До завтра, Жан, – сказала она так неестественно мягко.

Майя закрыла за собой дверь и начала плакать. Она плакала тихо, прикрыв ладонью рот, чтобы он из-за двери не услышал. Жан стоял по ту сторону, не решаясь сразу уйти, проматывая перед глазами этот день и все предыдущие дни, проведенные с ней. Каждый новый день так сладок, так пьян, что не хотелось его отпускать. А между тем ее нет, и этот день теперь уже бессмысленный. Мужчина медленно покинул коридор ее отеля.

Майя плакала от счастья, знаете, такие сладкие слезы, которые можно добавить в кофе, к примеру. Такая приятная жалость к себе, такая медовая боль, которую хотелось бы даже продлить. Она никогда еще не чувствовала себя такой нужной, такой цветущей, такой распахнутой на ветру, как колокольчик. Там, куда она завтра вечером улетит, не бывает лавандовых полей, там она не будет больше пахнуть лавандой.

На следующий день Жан только после обеда узнал, что она покидает этот город, эту страну, что покидает его и он больше никогда ее не увидит.

На его глазах выступили слезы.

– Что?

Они сидели в кофейне и смотрели в окно. Их руки были на чашках, на собственных чашках, и впервые за эти три дня Жан взял ее за руку крепко.

– Что ты сказала?

– Я замужем, Жан. И если бы я была свободна, то ни за что бы тебя не покинула.

Молодой человек стряхнул соль с ресниц и мгновенно убрал свою руку.

– Почему ты сразу мне не сказала, Майя?

Она покидала его в том льняном платье, которое она надела при встрече.

– Я год не надевала на палец кольцо. Тот, кто меня занял, даже не обратил на это внимания, по крайней мере он мне ничего не сказал. Тот, который лишил меня тебя, носит свое кольцо по сей день, но даже не спросит по моему прилету, где я была. А где я была, Жан? Разве я была не в тебе? Я не целовала твои губы, не пробовала твое тело на вкус, но знаю о твоем детстве больше, чем кто-либо на этом свете. Я не просыпалась вместе с тобой и не засыпала в твоих объятиях, но знаю, что перед сном ты читаешь молитву, благодаришь бога за прожитый день, я знаю, что ты есть, и мне от этого становится легко. Я предвкушала каждый новый день, я жила мгновением рядом с тобой, я благодарна тебе за то, что ты научил меня этому. Я знаю твой любимый сорт вина, твою первую любовь, и даже какого цвета у тебя была рубашка на выпускном – это так много, поверь мне. Я ни о ком еще не знала так много, и ни о ком не хотела так узнавать. А мы с тобой даже не спали…

Он снова взял ее за руку, на этот раз не крепко.

– А ты бы хотела со мной спать?

– Нет, – покачала головой она. – Это так ничтожно мало – спать друг с другом. Я бы хотела быть с тобой мысленно каждую минуту, и пусть мы находимся на

разных концах земли. Я бы хотела носить тебя в своем сердце, но при этом быть свободной.

До встречи, Жан.

Она обняла его через стол и застыла. Майя не могла отпустить его, только сильнее сжать, она смаковала последние секунды, она смирилась со смертью и была к ней готова. Страх отпустил, соль застыла в глазах, сердце выбивалось из груди. Она смотрела на землю, словно в последний раз, она мысленно рисовала свое имя в воздухе над приближающимися домами, сначала свое, а рядом его. Она раскинула в стороны руки и открыла глаза, она готова была умереть, и эти десять секунд перед смертью показались ей более долгими, чем последние десять лет.

Майя сидела в самолете, и когда железная птица оторвалась от земли, она больше не закрывала руками уши, не закрывала глаза. Она смотрела в окно и мысленно отстегивала ремень безопасности. Майя запомнила его последние слова в тот день, когда они сидели у океана: «Жизнь – мгновение». И если бы ей суждено было сегодня разбиться на самолете, то она бы пожалела только о том, что не поцеловала на прощание Жана. Она поднималась к небу с мыслями о том, как вернуться назад и предать, предать, черт бы побрал, все на свете! Все и всех предать, лишь бы еще раз посмотреть в те глаза, лишь бы припасть к его рукам, попробовать губы на вкус. Отдать всю себя без остатка, пусть берет, пусть вдыхает, она хотела отдать – на высоте трех километров, на расстоянии нескольких стран, – она почувствовала нестерпимое желание уничтожить, скомкать и выбросить все, что было до Жана. Майя понимала, что больше никогда его не увидит, и что мысль купить обратно билет на ближайший рейс покинет ее спустя неделю, когда она снова утонет в будничной суете.

Чужой мужчина открыл Майе дверь.

– Здравствуй, любимая.

– Здравствуй, любимый.

Ее чуть не стошнило на пороге родной квартиры.

– Что случилось, дорогая?

Она оставила свой чемодан у двери и достала из сумочки паспорт. Майя во второй и в последний раз взглянула в те пустые, чужие глаза, полные безразличия и притворства.

Когда женщина с большими изумрудными глазами отрывалась от земли чужого, ненавистного города, в котором она не оставила ничего, за чем бы стоило снова вернуться, ее волновал только один вопрос – не перестанет ли со временем пахнуть лаванда?

Глава вторая

Роза и Париж купили жилье в маяке, на лазурном побережье бескрайнего океана. Они просыпались под шум океана, они засыпали под этот шум, и в какой-то момент Роза подумала, что можно сойти с ума, если прожить здесь хотя бы год. Ведь этот шум будет преследовать ее везде, даже вдали от маяка, даже, когда глаза не увидят больше океана.

Роза не раз просыпалась среди ночи и выходила наружу, чтобы посмотреть на мерцающие огни кораблей, чтобы забыть о Пьеро, чтобы провести свободную прохладную минуту наедине с собой. Роза настолько привыкла быть одна, что наслаждалась теми прекрасными, безмолвными мгновениями, когда не было рядом Парижа.

Не он прозвал ее Розой, но он ее такой принял, она любила Пьеро – всем сердцем любила, как дочь любила бы своего отца. Пьеро не был ее опытом, не был ее испытанием, он просто был рядом тогда, когда ему следовало быть. Роза часто вспоминала его, особенно, когда смотрела в голубые глаза, в те глаза, в которых Пьеро увидел свое отражение.

Этот маяк был для Розы причалом, убежищем и укрытием, если так можно сказать, ведь она так отчаянно бежала от себя на край света, что по пути где-то в небе оставила часть себя, ту часть, которую она хотела выбросить, смять, уничтожить и спалить в огне. Она сожгла себя без единого шрама. И здесь, на

берегу океана, в котором можно было утопить все что угодно и самому утонуть, Роза встретила себя другую. Без прошлого и без будущего, только шум океана в ушах, только крепкие руки Парижа, только вино, его губы – вино, его тело создано для мгновения. Она не хотела прожить всю жизнь с этим человеком, она хотела прожить всего лишь сегодня, это было больше, чем жизнь, это было сильнее, чем любовь. Секундная страсть, а затем выдох…

Женщина без прошлого просыпалась с утра, а у ее ног лежал поднос со свежевыжатым апельсиновым соком. Роза в такие минуты любила жизнь, любила себя и мечтала об одном – как бы остановить время. Темноглазая, наполняющаяся, собирающая себя по осколкам, она бросила курить уже как неделю или даже три и не чувствовала больше зависимости.

– Не вспоминай больше о нем, – еле слышно промолвил Париж.

– Хорошо, – неуверенно пообещала ему Роза.

Они сидели в кофейне, из которой можно было увидеть их дом, так странно звучит – никто бы даже не подумал, глядя в ту секунду в окно, что маяк может быть чьим-то домом. С этого места можно было увидеть пустынное лазурное побережье и камни, много камней.

– Excusez-moi… – извиняющимся тоном донеслось со спины.

Они оба обернулись. Перед ними стоял невысокий, худощавый молодой человек, интеллигентного вида, опрятный, возможно, француз.

– Да? – вежливо обратилась к нему Роза. Париж тем временем с интересом осматривал гостя.

– Вы не видели здесь девушку… Как бы точнее сказать… Не высокая, но и не низкая… – показал рукой на свой подбородок. – Знаете, такие глаза, словно гроны зеленого винограда… Как бы вам объяснить… – француз старательно подбирал слова.

– Редчайшие приметы, – улыбнулся Париж.

– Простите нас, – деликатно отозвалась Роза. – Мы в этой кофейне впервые и никого еще не встречали.

Француз всем своим видом извинялся.

– Pardon[2 - Прошу прощения. (фр.)]… Может быть, если увидите… Да, еще от нее пахло лавандой.

– Хорошо, – мягко успокоила Роза. – Если увидим, то мы вам сообщим.

Но скромный француз не отступил.

– Я оставлю вам свой адрес, bien[3 - Хорошо? (фр.)]? – обратился он к Розе.

– Так почему же вы этой особе с виноградными глазами его не оставили? – спросил прямо Париж.

– Я не успел. Как вам сказать, слишком мало времени было, слишком много жизни впереди… Надеюсь, вы меня понимаете?

– Более чем, – выразительно, без акцента промолвил Париж, а затем добавил: – Вы, как я понимаю, француз! Вы бывали в Париже?

Роза не сдержала улыбку.

– Oui bien sur. Конечно бывал! – с жаром произнес молодой человек. – Я там получил образование, и на окраине города живут мои родители. Paris – великолепный город.

– А правда, что в этом городе сбываются мечты? – спросил друг Розы сухо и без улыбки.

– Как вам сказать… – француз добродушно приоткрыл рот. – И да, и нет. Париж – это всего лишь город. А мечты могут сбываться везде. Где угодно, даже вот здесь, – показал пальцем на стены кофейни.

Роза отвернулась к окну.

– А что бы вы мне ответили, если бы я вам сейчас сказал, что меня зовут Париж?

Француз сморщил лоб.

– Этого не может быть. В честь города не дают имя! – А затем молодой человек задумался. – Я бы вам сказал, что вы не похожи на Париж.

Собеседник француза поднялся со стула и протянул ему свою руку.

– Был рад знакомству. Париж!

– Жан… – растерялся француз и легонько пожал ему руку.

– Если кто-то здесь будет пахнуть лавандой, я вам немедленно сообщу.

О чем-то задумавшись, француз удалился.

– Зачем ты так? – спросила Роза.

Париж промолчал, а затем спросил у нее:

– А как пахнет лаванда?

– Я не умею рисовать запах. Спроси у меня еще, чем пахнет цвет.

Они заказали себе кофе и очередной день провели в тишине.

Роза не была жестокой по отношению к нему, она была мягкой, как пластилин, из которого можно было слепить все, что угодно. Она была готова к тому, чтобы из нее лепили нужную форму, идеальную фигуру по своему вкусу и подобию, по своему истинному желанию. Конечно, из ладьи невозможно слепить ферзя. Но Роза была актрисой и готова была на время принять любую роль, отведенную ей.

– Ты слышишь океан? – среди ночи спросила она.

– Слышу, а ты?

– И я слышу. Значит, мы еще не сошли с ума.

Загудел пароход, Роза лежала на руке Парижа.

– Мы здесь навсегда? Как ты думаешь? – нарушил молчание ее любовник.

– Не произноси слово «навсегда». Такого слова не существует! Я перестала делить жизнь на промежутки «до» и «после». – Она замолчала, а спустя несколько секунд добавила: – Я молю Бога, чтобы сегодня никогда не заканчивалось. Я его прошу о том, чтобы моя жизнь прервалась однажды внезапно, а не постепенно…

– Ты боишься стареть? Увядать?

– Нет, я не боюсь морщин и готова принять морщинистые, трясущиеся руки, если их будут целовать и трогать.

Париж притронулся к ее руке.

– А что тогда?

– Ты никогда не сталкивался с этой болезнью, и надеюсь, что ты с ней никогда не столкнешься. Есть такая болезнь, от которой невозможно вылечиться, но при этом она не убивает. Ты чувствуешь сам недуг, недомогаешь, недосыпаешь, недоживешь. Каждый день – повторение предыдущего дня, временная петля, а выйти из нее ты не можешь. Есть такое заболевание, от которого можно и есть, и пить, и спать, но не хочется, и каждый прожитый день кажется, что он прошел в пустую. Все люди носят одинаковые лица за окном, все имеют одинаковый запах, а именно – никак не пахнут. В твоей душе одно безразличие к миру, безразличие к себе, но не смерть. Понимаешь, ты при этом живешь в пустой оболочке, ты – лишь тело. И тебя не интересуют другие тела. Твой дух куда-то ушел, и всегда одна и та же погода. Одна и та же улица постоянно кажется незнакомой, но ноги помнят дорогу домой, какой этаж и какой ключ из связки

подходит. Но тебя здесь нет, ты всего лишь фантом, и ты живешь, и живешь, и живешь. И почему-то не умираешь, потеряв все краски мира, облив весь мир вокруг серым цветом. Стоя под ледяным душем, тебе не холодно и не жарко. В душе нет ничего, никого. Где я? Где ты?

Роза замолчала. Париж все это время прислушивался к каждому ее тихому слову.

– Я готова умереть, лишь бы больше не испытать подобного.

Мужчина кивнул, но ничего не ответил.

– Я выйду наружу. Я побуду одна.

– Ты не заболеешь? Там сильный ветер. Накинь хотя бы плед себе на плечи.

– Спасибо, – поблагодарила Роза и поцеловала его запястье. – Я скоро вернусь.

– Я тебя жду.

Роза вышла из комнаты. Ветер действительно был сильный, но ветер ее не волновал, он лишь колыхал ее волосы. Она смотрела на синий, нет, черный океан, на большие волны, на свет прожектора маяка, освещающего воду. Она повернулась направо и смотрела на пляж, интересно, почему не приходят сюда среди ночи? Ведь в сумерках здесь особое чувство, мечтателям не нужны даже звезды, а ветер нежно колышет волосы. Роза не думала ни о чем, а лишь смотрела. Наслаждалась. Жила. Эта минута и была всей ее жизнью, это мгновение было создано для нее…

Когда Майя вошла в кофейню следующим утром, никто из присутствующих не почувствовал запах лаванды. Роза и Париж пили кофе у себя за столиком, разговаривая о том, что было бы хорошо купить новый матрас, а то старый совсем неудобный. Майя осмотрелась, пытаясь найти среди гостей одного-единственного человека – Жана. Но в тех чертах, в которые она так старательно всматривалась, не было его глаз, его подбородка, его бровей. Жана в этом зале не было.

Она заказала себе кофе и села на свободное место у входной двери, и каждый раз, когда кто-то входил, она поднимала голову и всматривалась в лицо зашедшего. Майя все время думала, правильно ли она поступила, что бросила все и поддалась минутному искушению, секундной слабости и сладости. А вдруг он больше никогда сюда не придет? Ведь она не говорила ему, что вернется, ведь она не оставила ему никаких контактов, а только имя, только запах.

– Простите, сегодня не приходил сюда молодой человек, француз, он еще говорит с акцентом? – спросила у официанта она, когда тот принес ее счет.

– Здесь много французов и все с акцентом, – улыбнулся официант.

– Спасибо.

Майя ждала его несколько часов, а затем ушла к океану. Она остановилась в том же отеле, и из-за того, что в этом отеле почти все места были заняты, ей пришлось заселиться в более комфортабельный номер в разы дороже предыдущего. Ей казалось, что он может приходить вечером к отелю, чтобы вспомнить те дни или в надежде однажды здесь встретиться вновь. Это было, конечно, безрассудно, но доля здравого смысла в этом поступке была. Эта дорога к отелю вызывала у нее как внезапную вспышку радости, так и душераздирающую грусти. Ей было хорошо оттого, что эта дорога имеет память и сохранила в себе их былые прогулки.

Жан вошел в кофейню ближе к вечеру, чтобы в последний раз убедиться в том, что она не вернулась за ним. Его рейс был всего лишь через несколько часов, этой ночью ему предстояло вернуться домой и покинуть навсегда «город восходящего солнца», оставив терпкое послевкусие, сладко-горькое. Майи в зале не было, и тогда он подошел к столику, где сидели его знакомые. Таких, как они, Жан привык избегать, но, тем не менее, он подошел попрощаться.

– Bonsuar!

Роза и Париж улыбнулись, когда услышали знакомый голос.

– Добрый вечер, – произнесла Роза. – Мы не встречали вашу знакомую, – виновато сказала она.

Париж покачал головой, словно подтверждая ее слова.

– Ничего. Я так и знал, что вы ее не встречали. Я подошел попрощаться! Прощайте.

Он поклонился.

– Прощайте, человек с родным для меня именем, но не вызывающий никаких ассоциаций с этим чудесным местом. Возможно, приехав в Paris, я однажды вспомню о вас.

Парижу понравилась его искренность и простота.

– Что поделать? Прощайте, – развел он руками. – Прощайте… – обратился он к Розе. – Как вас зовут?

– Меня зовут Роза, и, возможно, мое имя тоже не вызовет у вас никаких ассоциаций.

– Вы правы, – согласился француз. – Необычные у вас имена, но тем не менее – это вы и я желаю вам чудесного отдыха.

– Благодарим.

Произнесли практически одновременно.

– Если вдруг вы ее встретите, то передайте, пожалуйста, ей это письмо. Здесь мое имя и координаты, где меня можно найти. Еще раз спасибо…

Жан еще раз поклонился.

– Я не знаю, как пахнет лаванда, – глядя в глаза стоящему человеку, сказал Париж.

Жан ничего ему не ответил. Роза в это время взяла в руки письмо и пообещала ему передать, если однажды придется.

– Bonsuar, друзья. – Жан хотел развернуться, чтобы уйти.

– Bonsuar, Жан, – послышался знакомый голос из-за спины.

Он с такой силой прижал Майю к себе, что казалось, его руки мертвой хваткой впились в ее плечи. Он целовал ее лоб, ее волосы густые, ее горячие щеки и сухие глаза. Жан чувствовал, что ему в это мгновение позволено делать все, чего требует сейчас его тело, пальцы касались ее, они знали, что это она, они чувствовали жар ее тела.

– Ты свободна?

– Свободна, Жан, – сказала она сладко.

Он поцеловал ее в губы, а затем медленно отдалился и посмотрел в глаза. А затем еще раз поцеловал, она полностью ему отдалась и целовала в ответ.

– Я хочу показать тебе поля Люберона. Как дети топчут вино, а взрослые его пьют. Я хочу отвести тебя на узкие улочки, на которых я вырос; к закрытым ставням окон того дома, где когда-то бабушка сушила белье, где когда-то я пил чай и читал первые книги.

Майя кивала головой, смотря в его глаза, любуясь его бровями, ресницами, она позволила себе влюбиться, без былого страха предательства, без чувства запретного плода, он теперь не запретный!

Жан повернулся к Розе и Парижу, которые все это время с умилением за ними наблюдали.

– Вот как пахнет лаванда, – с восторгом обратился к Парижу француз. – Вы чувствуете?

Париж не понял.

– Нет.

Жан взял за руку Майю.

– До свидания.

– До свидания, – произнесли в ответ Роза и Париж.

Они смотрели, провожая взглядом влюбленных, пока за ними не захлопнулась дверь.

– Мне будет их не хватать, хотя я с ними знаком не более десяти минут, – сказал Париж.

– Мне тоже, – с грустью добавила Роза.

Глава третья

«Какой сегодня день?» – единственный на свете вопрос, который больше не тревожил Розу.

Она просыпалась с шумом океана в ушах, ей снились сны с шумом океана, она приходила в кофейню, закрывала глаза и слышала этот шум. Нет более прекрасного, уединенного места на земле, чем маяк; нет более душевного места, чем эта кофейня. Здешний кофе имел замечательный вкус, а вокруг было светло и уютно, как дома. «Где мой дом?» – часто спрашивала себя Роза. «Здесь», – мысленно отвечала себе. Она часто вспоминала ту старую, забытую богом кофейню, в которой они познакомились с Пьеро, в которой впервые встретились с Парижем. Интересно, вспоминает ли любовник свою прошлую жизнь, и если да, то как часто? Роза больше не пыталась все забыть, она предпочла помнить, но оно постепенно все само забывалось. Здесь не было быта, здесь не было суеты и вечного шума автомобилей. В этом городе люди не бегали, а неторопливо прогуливались, здесь было слышно чаек, а не вечную ругань.

Однажды вечером, когда Роза и Париж прогуливались по набережной, она спросила:

– Ты все еще слышишь океан?

– Слышу.

– И я его слышу.

Они присели на прохладный песок, а затем Роза склонила голову к его коленям. Прилегла, закрыла глаза и вспомнила.

Вспомнила каждую строчку книги, каждый абзац, который она бездумно читала в старой кофейне. Она даже не имела представления о том, что читала всю жизнь того человека, который все то время сидел напротив нее. Человека, в котором она искала свое спасение. Роза была благодарна Пьеро и всегда вспоминала о нем в настоящем времени, он в ее памяти остался живым.

Человек, который застрелил свою женщину, потерявший память и отчаянно искавший убийцу; человек, который показал ей маленькое зеркальце в тот момент, когда пообещал осчастливить за час тридцать трех случайных женщин – осчастливил ее тридцать третьей; художник, который подчеркнул все ее достоинства, ни разу не коснувшись изъянов – она не запомнила его жестоким убийцей, а всего лишь последней любовью. Да, Розе показалось на секунду, что она его любила.

Париж гладил ее волосы, он давал ей нежность, которую никто до него не давал. Она наслаждалась и принимала.

Это была небольшая спальня, метров двадцать – двадцать пять. Среди комнаты лежал широкий матрас, на котором просыпались и засыпали Париж и его возлюбленная. Справа стояла старинная деревянная тумбочка, на которой с недавнего времени стоял пустой стеклянный стакан из-под сока, а раньше лежали наручные часы – спустя несколько недель они перестали следить за временем. Справа стоял небольшой деревянный шкаф темного цвета, в том же стиле, что и тумбочка, с потрескавшейся краской на дверцах. Роза любила

каждый день надевать новое платье, эта привычка сохранилась у нее с прежней жизни. Напротив матраса было окно от пола до потолка, из окна было видно океан. Поначалу они смотрели на черные волны перед сном, а спустя время начали закрывать окно шторой. Как объяснила Роза: «Океан мешает мне спать», Париж был не против. В этом маяке поначалу Розе снились кошмары, она вспоминала кофейню, прошлую жизнь, в которой ее называли другим именем, а она откликалась; Роза вспоминала тех людей, которых следовало бы выбросить в океан.

Женщина, носившая имя подаренных ей вчерашних цветов, бросила все свои вредные привычки. Особенно сложно ей далась та привычка, о которой в нашем мире не следует говорить, которая быстрее остальных убивает. Париж поначалу сковывал ее ноги и руки наручниками, он не раз становился свидетелем изгнания бесов из человека. Они могут говорить самые страшные на свете вещи, но ничего не могут сделать. Париж оказался сильнее ее демонов, это ее и спасло. Роза не была благодарна ему, она была ему обязана своей жизнью…

* * *

Однажды днем, когда на улице палило раскаленное солнце, в кофейню вошел высокий мужчина и присел за столик рядом с Розой и Парижем.

Роза не обратила на него внимания, это был самый обычный человек, она встречает за день тысячу новых лиц и трудно запомнить хотя бы одно. В этих лицах нет какой-то неестественной красоты, глазу не за что зацепиться.

Мужчина за соседним столиком, как и другие гости кофейни, приехал в этот город на отдых. Для него океан оказался лучшим лекарством от депрессии и переутомления. Кофе, как и всегда, был вкусным, этот чудесный аромат, казалось, исходил из стен, создавалось ощущение, что каждая деталь интерьера, начиная с корзинки для салфеток и заканчивая стульями, пропахла корицей; атмосфера была настолько душевная, домашняя, что не хотелось покидать это место.

– А вы верите в чудеса? – непонятно к кому обратился мужчина, но в свой адрес приняла его слова Роза.

– Да, – ответила она.

– Нет, – практически одновременно вставил Париж.

Казалось, что крупный мужчина с небольшой сединой на левом виске был рад тому, что его услышали и даже ответили. На его лице появилась улыбка, он был доволен.

– Да, – вновь повторила Роза.

Париж воздержался на этот раз и повернулся к окну. Вряд ли этот человек мог бы его чем-то удивить, но краем уха Париж все равно вслушивался в их диалог.

– Я начну с того, что я художник. Да, не смейтесь, в этом мире художником себя считает каждый второй, если не первый. Вы, например, тоже, наверное, умеете рисовать? – обратился он к Розе.

– Хочешь, я ему дам понять, что ты не художница, или, может, нам стоит уйти? – спросил, естественно, в голос у Розы Париж.

– Нет, не хочу. Мне очень интересно.

– Как скажешь, – Париж безразлично отвернулся к окну.

– Нет, я себя не считаю художницей. Но я знала одного художника… – Роза осеклась и замолчала. Ей не хотелось в эту минуту вспоминать о Пьеро.

– Да, это легкое занятие, что-то вроде профессии стряпчего, только за то, чтобы стряпать, платят больше! Так вот, большую часть своей жизни я рисовал в переходе, увы, на эту профессию спроса нет даже там, но я мог бесплатно нарисовать понравившуюся мне особу, а иногда даже и уйти с ней домой. О, да! – потирая бороду, произнес мужчина, смакуя. – Я был молод, красив и даже талантлив. Но, согласитесь, если каждую стряпчиху считать одаренной, то мир лишился бы таких мастеров, как Леонардо да Винчи. А поэтому на секунду представим, что я был профессией выше.

Роза с умилением смотрела на болтуна за соседним столиком. Париж сидел все время насупившись, то ли от своих мыслей, то ли от неприязни к новому знакомому Розы.

– Так вот, я умел рисовать и неплохо умел, скажу я вам по секрету. Я многих женщин в своей жизни состряпал. Многих, – произнес он гордо.

Париж хотел прекратить разговор, но Роза заметила это и остановила его:

– Пожалуйста, давай его дослушаем.

От ее нежных пальцев Париж успокоился и уселся обратно на стул, попивая свой остывший кофе.

– Продолжайте, – сказала она новому другу, увидев, как тот замялся.

– Извините меня, не хотел никого обидеть… – растерянно извинился он и продолжил:

– Так вот, в тридцать лет я полностью пресытился женщинами. Знаете, как это? Вот как берешь стакан воды и не идет, а все время хочется пить. Ну не идет, ничего с собой не мог поделать! Даже ходил к доктору, тот заверил, что здоров я, как бык. – Он почесал лоб. – И вот однажды мне захотелось нарисовать идеальную женщину, такую, которой я никогда не встречал. Такую, чтобы я желал ее каждую секунду, ради которой я продал бы душу или хотя бы свой дом. Моя-то душа никому не нужна. Мда-ммм… – мужчина отвлекся и замолчал.

– Вы говорили, что хотели нарисовать… – деликатно начала Роза.

– Точно, спасибо! – с пылом выстрелил тот. – Таки нарисовал же ее. И чертовски хорошо нарисовал, мать родная бы не отличила – если бы у моей картины была мать, – учтиво подметил резвый старик. – Так вот, смотрю я на нее и любуюсь, места себе не нахожу. Хочу ее и все на этом! О, какие у нее были волосы, вот такой длины (демонстративно дотронулся ладонью до пола), а какие брови, глаза. Мед, а не глаза! Струны, а не ресницы, а какая фигура. Ммм… И что мне прикажете делать с этой женщиной, если ее на свете-то нет? – обратился то ли к Розе, то ли к себе самому.

– Продолжайте, прошу вас.

Мужчина напротив сморщил лоб и заговорил:

– Однажды ночью, когда я крепко спал, в мою дверь постучали. Несколько раз подряд постучали, а то так просто меня не разбудить. Знаете, я крепко сплю… – хотел он снова сменить тему, но, заметив приподнятые брови Розы, продолжил: – Открываю дверь и глазам своим не верю, передо мной стоит она. То привлекательное, дьявольское дитя, которое я нарисовал на бумаге, которое я так мечтал схватить и повалить страстно на пол. Разорвать ее платье, заставить ее кричать от моей силы, о, да! Я тогда был, как никогда, силен. Мне хотелось оставить в ней всего себя без остатка и любить, и любить, и любить!

Мужчина был чересчур эмоциональным и откровенным собеседником, и это не нравилось Парижу, тот прикрыл ладонью глаза и прошептал:

– О, боже!

Роза вновь погладила его руку.

– Что было дальше? – спросила она не то из любопытства, не то из приличия.

– Вы не верите мне? Никто мне не верит. Но это было! – и мужчина громко стукнул кулаком по столу.

– Ну все, с меня хватит, – Париж встал с места и развернулся к их новому нежеланному другу. Тот привстал вслед за Парижем, и Роза в эту секунду поняла, что старик не такой уж и высокий, ее любовник был на голову выше и в разы сильнее.

– Я попрошу вас встать и покинуть этот зал. А иначе я вас выведу силой, – сказал спокойно Париж.

Мужчина с достоинством застегнул верхнюю пуговицу своей рубашки, а затем понял, что сделал это не осознанно, и снова ее расстегнул.

– Хорошо, молодой человек. Только без рук!

Положил на столик несколько купюр за кофе и достал из нагрудного кармана лист, аккуратно сложенный в несколько раз, и обратился к Розе:

– Хотите, я вам ее покажу?

Роза кивнула. И старик обошел Парижа и положил на ее столик рисунок молодой женщины, которую Роза видела впервые.

– Вот она! Та самая донна. Я ее видел вживую, поверьте на слово мне. – Он перестал обращать внимание на Парижа, стоявшего все время у него за спиной, и продолжил свою байку: – Я пустил ее в свой дом, не поверив своим глазам, не проснувшись. А затем побежал искать ее на бумаге, чтобы сравнить. И представляете, бумага была пуста. Чистый лист, будто на нем никогда не рисовали, словно там никогда и не было ее. Та самая картина, на которую вы сейчас смотрите, леди, была в тот момент пуста.

– Звучит романтично, – подметила Роза. – Я верю в чудо, но такого в природе не может быть. Если бы каждая картина исчезала с бумаги, то этот мир был бы тогда совершенным, без всяких изъянов. Художники рисуют красивыми даже тех, кто не наделен красотой. Наши фантазии и иллюзии делают совершенными несовершенных людей.

– Вы правы, – одобрительно покачал головой мужчина в теле. – Я вижу, вашему молодому лицу довелось увидеть больше, чем отведено для ваших лет. Но поверьте, прошу вас, что я не старый пропойца и лгун, а человек, который сказал вам правду.

Париж аккуратно положил свою ладонь мужчине на плечо.

– Сейчас ухожу. – Он забрал свое творение, быстро сложив в несколько раз, и спрятал в нагрудный карман.

– Я ею упивался. Я ею жил все то недолгое время, когда она была рядом. Я готов был жениться и встретить с ней свою старость, но однажды утром она исчезла, словно ее никогда и не было в этом доме. Исчезло все: ее зубная щетка, платья, духи (его голос стал тише), и тогда я вновь нашел этот рисунок, она появилась на бумаге. И с тех пор я перестал рисовать.

Роза о чем-то задумалась, но не желала продолжать этот бессмысленный диалог. В ней иссякло всякое любопытство.

– Я хочу вам сказать, что то, во что вы свято верите, то, ради чего вы готовы отдать свою душу, или, может быть, больше – оно обязательно сбудется. Но со временем исчезнет и оно, и ваша душа. – Он почесал лоб. – В моем случае исчез дом. Он через время сгорел, – засмеялся безумец. – С тех пор я много путешествую… Легко же отделался, скажу я вам.

Старик поклонился и быстро покинул зал.

Глава четвертая

В те редкие ночи, когда в «городе восходящего солнца» случалась гроза, Роза и Париж не могли уснуть до утра. Внутри маяка им казалось, что они находятся снаружи. Казалось, что гром с каждым ударом становится все сильнее, и скоро разобьются вдребезги окна, а затем развалятся стены. Да, в те минуты было страшно, холодно и темно. Роза искала защиту на широкой, волосатой груди, а Париж все сильнее прижимал ее к своему телу.

Когда стены переставали трястись и заканчивалась гроза, то начинался сильный ливень. Они привыкли под него засыпать, в такие темные, страшные ночи этот ливень был для них колыбельной.

– Почему ты сказал, что не веришь в чудо?

Они несколько минут назад проснулись и пожелали друг другу доброго утра. Розе было важно, чтобы они с улыбки начинали свой новый день.

– А что такое чудо, Роза? Неужели ты скажешь мне, что чудо – это то, что я сегодня проснулся, а не умер от грозы этой ночью? – Париж улыбнулся.

– Нет, я так не скажу, – улыбнулась в ответ Роза. – Разве не чудо то, что для француза его возлюбленная пахла лавандой, а для тебя нет?

– А, ты об этом, – Париж стал серьезным. – Так я же не знаю, как пахнет лаванда, может быть, в этом причина?

– Ты меня не понял.

– Возможно.

– Ты мог бы почувствовать этот запах, опознать его, когда она подошла. Но ты ничего не почувствовал!

– Я не стану с тобой спорить, Роза. Возможно, для тебя чудо – это тот факт, что люди влюбляются и теряют от этого голову, для меня нет. Ты способна все преукрашивать, преувеличивать. А я способен видеть вещи такими, какие они на самом деле есть.

– Ты сухой… – прошептала Роза. – И жестокий.

– Нет, я просто зрячий.

– А как же художник-болтун?

Париж засмеялся.

– В том-то и дело – болтун и выдумщик. Такие, как он, сочиняют сказки на ходу, не запинаясь.

– А если нет…

– Если ты способна верить этому человеку, то верь! Я не соглашусь с твоим мнением, но и свое навязывать не стану.

– Хорошо, – закрыла тему Розу. – Принесешь мне сок?

– Конечно, – поцеловал ее в губы и ушел в другую комнату.

Роза иногда думала о том, что они с Парижем полные противоположности друг другу, но это ее не пугало, напротив – он умел отрезвлять, когда было нужно, он не позволял ей полностью окунуться в мир грез.

– Ты слышишь океан?

– Слышу.

– И я его слышу…

Каждое утро они отправлялись к океану, еще ни один день они не провели свое утро без него. Некоторые в это раннее время купались, остальные приходили после обеда, когда спадала жара. В те часы Роза и Париж сидели в кофейне, им нравились уединение и покой. Ни он, ни она никогда не понимали – как люди могут сбиваться в стаи. Зачем нужны бессмысленные разговоры, когда не о чем говорить.

Эта кофейня имела особую атмосферу, а какой у нее был запах – даже те, кто проходили мимо, прогуливаясь по набережной, чувствовали этот запах и входили внутрь, чтобы отведать здешний кофе.

«Потрясающее место», – говорили гости, когда покидали кофейню. Но почему-то никто не возвращался обратно. А хотя, это легко объяснить. Многие проводят здесь отпуск – и когда он заканчивается, покидают город, страну и возвращаются к быту. Многим нравится быт, но только не Розе, она всегда стремилась быть вне его. Мечты заканчиваются там, где начинается быт. Роза всем своим женским началом боялась данной участи.

В один солнечный день, когда «сегодня» продолжалось уже больше месяца, а Роза перестала видеть кошмары по ночам, к молодым людям поступило заманчивое предложение – продать свою квартиру в маяке за приличную сумму. Скажем так, на нее они могли бы купить роскошные апартаменты с видом на

океан и жить без нужды, скажем, года два. Они, естественно, отказались и остались жить в маяке, в том гнезде, которое они свили для себя сами. Чего только стоил новый удобный матрас – одно удовольствие, а не сон. На самом деле, Роза не могла больше представить себе жизнь без шума океана.

– Ведь ты жила до него, – верно подметил Париж.

– А больше не могу!

Больше они к этой теме не возвращались и даже не обсуждали подобные предложения.

* * *

«Океан излечит все твои раны», – сказали однажды Оскару, когда тот перестал есть и спать, когда девятнадцатилетний юноша почувствовал себя стариком, прикованным намертво к кровати. Тяжелый недуг парализовал его молодое тело, сломал его дух, глаза, не знавшие слез, налились океаном сполна.

У Оскара умерла возлюбленная, ей суждено было умереть в теплой кровати, плотно поужинав перед смертью. Есть на свете неизлечимые болезни, о которых люди молчат, а потом делают другим людям больно. Есть люди неизлечимые, вроде Оскара, а есть здоровые, полные жизни, которые говорят: «До свидания», а затем во сне умирают. Вроде его возлюбленной – Моники.

Оскар молод, и за это ему можно простить его глупость – хоронить себя живым. Взрослые люди понимают, что пережить можно все, и нет лекарства более эффективного, чем труд и время. Таких юношей, как Оскар – сломленных, с душевной болезнью, не требующей белых стен и ухода, матери зачастую отправляют в мужской монастырь. Но мама Оскара его сильно любила и не приучила к труду, а потому отправила любимого сына одного к океану. Материнское сердце каждую секунду тосковало о нем и болело вместе с его раненым сердцем. Конечно же, он этого не чувствовал, и его горе было сильнее горя других, и он в полном здравии предпочел остаться наедине со своей болью.

Есть ноша, которую невозможно нести, и вместо того, чтобы бросить ее, люди катят ее по земле. Им кажется, что она им по плечам, раз они делают с этим

бременем шаг вперед, а может, и два. Но если им хватает сил подняться на гору, то они скатываются назад и делают бессмысленные попытки вновь и вновь. Люди не глупы, нет! Они любят, а потому позволяют сердцу страдать. Они не черствы, не сухи, чтобы приказать ему окаменеть – ведь так будет лучше. Люди живые, а потому позволяют себе каждый раз умирать, вместо того, чтобы умертвить все живое в себе однажды.

Оскару нужно было тепло, женское тепло, которым он мог бы согреться, в котором он мог бы сомкнуть глаза и уснуть. Молодая, чистейшая душа, не знавшая пороков и горя; не скорбящая ранее, сохранившая ангельскую, нетронутую улыбку.

Оскар встретил свое двадцатилетие у океана. Он смотрел на него, но он не излечивал его раны, а только шумел. Этот ненавистный ему шум, эта ненавистная жизнь, свой двадцать первый день рождения Оскар встретил в публичном доме в объятиях сорокалетней путаны. А ему всего лишь нужно было женское тепло, ему всего-то нужно было на льдине согреться.

Оскар не понимал, почему Роза его спрашивает о чуде, и что оно такое – это чудо, о котором едва ли скажет увядший лепесток, который смог себя оживить на мгновение. И этим мгновением она называет жизнь. Что есть чудо, Роза, если ты больше собственных морщин боишься завтрашнего дня? Что оно такое это чудо, Роза? Париж смотрел на ресницы ее сомкнутых глаз и понимал, что ее не вылечит океан. Что ее ничто не вылечит, но, возможно, она сумеет на время согреться.

Оскар мел улицы на протяжении шести лет, быть дворником не было его призванием, но ему так хотелось очистить весь мир, каждую улицу, но они не становились чище. Те, кто пытается изменить весь мир – в первую очередь пытаются изменить себя. И Оскар себя изменил, когда впервые услышал выстрел револьвера, когда впервые увидел человека, убившего свою женщину, уничтожившего свою любовь и при этом избежавшего наказания. Он изменил себя, когда увидел Пьеро, приставившего револьвер к его затылку; в те секунды Оскар впервые почувствовал себя не жертвой, а палачом. Ведь он никого не убивал, ведь он не должен был нести наказание за другого. Оскар полностью излечился лишь тогда, когда приставил к убийце зеркало и показал ему его отражение. Убийцей запомнил Оскар Пьеро и никогда не искал ему оправдания.

Оскар оставил себе имя Париж, как начало новой жизни и завершение старой. Он сбросил с себя эту поганую, тошную жизнь вместе со своим старым свитером, он купил себе билет на чужой самолет и отправился в чужую мечту. Как называла эту мечту Роза – «город восходящего солнца».

Оскар смотрел на сонное лицо своей новой возлюбленной и понимал, что в этом мире есть только он «до» и он «после»…

Париж привык отделять от черного и белого цвета все остальные цвета, он никогда в своей жизни не видел радуги, и слово «возможно» для него не существовало в природе. Есть только «да» и «нет», есть только лед и пламя, есть только бог и падший бог – дьявол.

Люди, для которых не существует, кроме черного и белого, других цветов, видят сквозь собственную призму мир черно-белым. И пусть у Парижа были синие, как океан, глаза – для него океан всегда был черным.

Оскар потратил шесть лет на то, чтобы сделать этот мир чище, и за то время, что он мел улицы, он повидал много самых разных людей. Практически все, глядя в его сторону, считали, что он нищий, бездомный. Но у Оскара был дом, и вырос он в обеспеченной семье, где денег всегда было в достатке. Пьеро видел, как Оскар покупал своему новому влечению, новой попытке вернуть себя прежнего – кабриолет черного цвета. Пьеро не знал, что нищий дворник не убийца его жены, не бездушный киллер, а всего лишь молодой парень, который не может найти в этом мире себя.

«Меня зовут Оскар. Мне двадцать семь. Я никого не убивал в своей жизни и не готов больше нести наказание за то, чего я не совершал…» – пронеслось у него в голове, когда в старую, забытую богом кофейню вошел коротко стриженный человек среднего роста с револьвером в руке.

«– Ты меня не убьешь, а иначе ты бы зарядил два патрона, – безразлично сказал убийце Оскар, вспоминая, как прошлой ночью проверял барабан его револьвера.

– Я никогда не держал в руках оружие, а впервые я его поднял с пола тогда, когда ты застрелил свою жену… Пьеро, это ведь имя из какой-то книги, верно?»

Париж иногда возвращался в тот роковой день, чтобы еще раз повторить диалоги, он возвращался туда, чтобы никогда не забыть.

– Почему Пьеро назвал тебя Парижем? – Роза открыла свои сонные, темного цвета глаза.

– Ему казалось, что я отобрал у него мечту. И в честь убийцы своей жены он прозвал этот город.

– А тебя никогда не гложет чувство вины? – Роза задумалась, подбирая слова в уме. – Может быть, ты чувствуешь ответственность за его смерть…

– Нет, – резко произнес Париж. – Я чувствую ответственность только за тебя.

В комнате было прохладно и Роза укрылась пледом. Шум океана в ушах, дыхание любимого человека (а любит ли она его или просто играет). Ей казалось, что она в эти минуты счастлива.

* * *

В «город восходящего солнца» приехала одна молодая особа, Диана. Она была убеждена в том, что, покинув свой город, свою родную страну, свой язык (она так хотела, чтобы люди перестали говорить на ее языке, а оттого решила выучить иностранный), она сможет начать новую жизнь, вдохнуть новый воздух, наполнить им грудь, развеять старые мысли. В новой стране все произойдет по-новому. Еще, конечно, океан, он ведь целебный, он готов принять у себя всех – ему не важно, какой ты национальности, веры и возраста. Он ведь имеет свойство залечивать раны.

Диана сошла с трапа самолета и не почувствовала ничего, кроме предвкушения и усталости. У нее был тяжелый перелет, она не спала всю ночь, и поэтому сейчас ее волновал не океан, а мягкая удобная постель и тишина.

Когда она проснулась в отеле, а вернее было бы сказать – очутилась, ведь Диана сначала не могла понять, где она и как здесь оказалась, то первым делом ощутила прилив сил, казалось, что каждая клетка ее выспавшегося здорового тела наполнена бодростью.

Вошедшая в океан девушка, позабывшая на несколько часов о родном языке, о друзьях, о знакомых, о старой будничной жизни, окунулась с головой в бесконечный, нежный океан, а когда вынырнула, то почувствовала на губах только привкус соли. Диана провела в океане несколько часов, а ей показалось, что не больше получаса. Ей нужны были эти волны – ей так не хватало океана, он волновался, а она отдыхала.

Диана вытерлась полотенцем и намазалась кремом для загара, надела солнечные очки и захотела мысленно пообщаться с океаном. Сказать, как она его любит и всем сердцем желает не покидать, как не хочет от себя отрывать, как хочет в него окунуться еще раз.

– Разрешите к вам обратиться?

Диана подняла глаза, в тот момент она подумала, что ей сейчас начнут предлагать еду, массаж или просто попросят дать денег.

– Можно к вам присесть? – перед ней стоял молодой широкоплечий парень, слегка симпатичный.

– Нет, – сказала спокойно она, и отвела глаза к океану.

Ей не хотелось курортных романов, этих скучных коротких страстей, в которых на прощание клянутся приехать, а в постели обещают любить. Диана прекрасно знала, чем все это заканчивается, и решила просто отдохнуть одна, в полной тишине и беспамятстве, никаких любовников, никаких клятв – ей нужен был только монолог с океаном.

– А если я вам скажу, что не хочу с вами спать, а только поговорить, то что вы мне ответите?

Диана еще раз подняла глаза, только теперь уже с каплей любопытства в них.

– Присаживайтесь.

Молодой человек присел рядом.

– Говорите…

Диана по-прежнему смотрела перед собой, на океан.

– Замечательная погода, не правда? – улыбнулся молодой человек.

– Замечательная, – подтвердила Диана.

– Я вот могу часами на вас смотреть, и мне не мешает ни солнце, ни дождь.

– Что, простите? – она сделала вид, что не уловила смысла сказанного.

– Вот к примеру, – продолжил ее собеседник. – Еще вчера я смотрел на Линду, такая рыжеволосая смешная девушка, она приехала сюда на отдых, чтобы найти мужчину своей мечты, того героя бурного романа продолжительностью в несколько дней. И, конечно, этот герой нашел Линду. Его звали Паоло, он итальянец и предложил ей выучить его родной язык, на что она, конечно же, согласилась, и их отношения переплелись двумя разными языками. Ведь она ехала с этой целью на океан – завести курортный роман, но ведь вы приехали с другой целью, верно?

– Вы очень внимательный, – коротко сказала Диана. – Что вы мне поведаете еще?

Он загадочно улыбнулся, смотря в ее прекрасный профиль.

– Да хотя бы то, что у вас есть молодой человек, которого вы, наверное, любите или любили когда-то.

У Дианы защемило в груди.

– Откуда вы это знаете? – она удивленно уставилась на молодого человека.

– Так это же просто, – добродушно засмеялся тот. – У каждой девушки хоть раз в жизни да был мужчина, которого она любит или любила. Людям свойственно влюбляться, – добавил ее собеседник.

– Да, – подтвердила тихо она. – Что вы еще можете сказать?

– Ваше сердце хочет забыть этого человека, а потому этого сделать и не может. Ведь нельзя же заставить скрипку молчать, если на ней все еще играют. Если в нее вдыхают музыку! – он с наслаждением проговаривал слова. – Пусть звучит, пусть играет… Ведь отчаянно пытаться забыть – это все равно, что вечно помнить. Вы сами себя ведете в ад, вместо того, чтобы принять всей душой те удивительные мгновения Рая. И быть благодарной за них…

Молодой человек, возможно, сам того не понимая, глядел в душу своей собеседницы, не зная даже цвета ее глаз.

Застывшая соль слетела с ресниц Дианы, когда она спросила:

– Кто вы?

– Кто я? – снова засмеялся широкоплечий парень со светлыми волосами, его улыбка была приятной, добродушной. – Я ваш друг, ведь вы же позволили мне к вам присоединиться, вы помните?

Девушка кивнула головой.

– И мы с вами договорились пообщаться, а не спать. Скажу вам честно, я плох в постели. Только тсс…

Он вызвал на ее лице улыбку.

– Хотите, я вам расскажу одну историю?

Диана одобрительно покачала головой.

– Хочу.

Молодого человека, по всей видимости, очень любило солнце, раз украсило веснушками лоб и нос. Так про себя подумала Диана, внимательно рассматривая черты его лица.

– Я знал одну девушку – очаровательную, молодую особу по имени Милана. Она была восхитительна, скажу вам как мужчина! В таких, как она, зачастую влюбляются хорошие парни, не какие-то там мерзавцы, а достойные молодые люди с четкой жизненной позицией и колючим характером, – собеседник сделал секундную паузу, словно пытался представить себе то, о чем он сейчас говорит. – Так вот, однажды в эту девушку влюбился молодой человек с темными густыми волосами и серыми глазами, в которых присутствовала некая зрелость, несмотря на его юный возраст. И эту зрелость Милана смогла в нем рассмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Прошу прощения. (фр.)

2

Прошу прощения. (фр.)

3

Хорошо? (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/vyacheslav-prah/kofeynya-na-beregu-okeana

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити